

А. А. КАРПОВ

ЗАБЫТЫЕ РАССКАЗЫ О ПУШКИНЕ

В 1855—1857 гг. вышло в свет подготовленное П. В. Анненковым собрание сочинений Пушкина, первый том которого составили «Материалы для биографии» поэта, в значительной мере основанные на воспоминаниях близких ему людей. Издание Анненкова было высоко оценено современниками. Вместе с тем в откликах на него настойчиво звучала мысль о том, что этот труд представляет собой не итог, а только начало изучения биографии и творчества Пушкина — начало процесса, предполагающего накопление все новых и новых исторических свидетельств. «Теперь, когда издание г. Анненкова опять обратило глаза всей просвещенной России на поэта, дорогого ее сердцу, — теперь, говорим мы, теперь надо торопиться говорить о Пушкине, надо делать исследования жизни Пушкина, — писал, в частности, А. В. Дружинин. — Поспешим же сохранить то, что может быть сохраненным. Поспешим от души попросить каждого из бывших сверстников и товарищей поэта набросать свои о нем заметки и сохранить свой труд для будущих биографов. Время не ждет никого, годы идут своей чередой, унося прошлое, гася воспоминания, меняя самый вид мест и людей. Трудитесь же, почтенные любители русского слова, не откладываяте предприятий ваших! Почтите память поэта, доставившего нам столько наслаждений, и честным трудом нашим постараемся заслужить благодарное слово от будущих поколений!»¹ «П. В. Анненков положил прочные основания биографии Пушкина <...>. Но сколько вопросов относительно деятельности и жизни Пушкина пробуждает биограф прекрасным трудом своим <...>! — вторил Дружинину А. В. Станкевич. — Личность, жизнь и деятельность нашего поэта будут тогда только вполне ясны и вполне понятны, когда все подробности, касающиеся их, будут обнародованы теми, кто имеет на это возможность и право. Пора являться в печати <...> подробным заметкам и воспоминаниям о нем и обо всех обстоятельствах

¹[Дружинин А. В.] Сочинения Пушкина... Тт. III и V. Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855 // Библиотека для чтения. 1855. Т. 131. № 5. Отд. VI (Литературная летопись). С. 14.

его жизни со стороны лиц, имеющих что-либо сообщать в этом отношении. Это — долг последних русской литературе и русскому обществу. Выскажем желание, чтобы срок уплаты по этому долгу не отдался произвольно на неопределенные времена».²

Потребность поделиться воспоминаниями о встречах с Пушкиным ощущали и сами современники поэта (некоторые из них прямо связывали появление своих заметок с выходом анненковских «Материалов»). В настоящей публикации приводятся два таких рассказа, появившихся в 1857 г. на страницах газеты «Северная пчела», но до настоящего времени еще не вошедших в научный оборот.

1. «...в доме бывшем Паульсона...»

На протяжении 1857–1858 гг. в «Северной пчеле» была опубликована серия довольно объемных европейских путевых очерков некоего М. Скуридина.³ Заклучая в себе сведения о достопримечательностях, отзывы о гостиницах и транспорте, они имели характер своего рода рекомендаций для будущих путешественников. Вместе с тем автор размышлял на политические и нравственные темы, вспоминал о событиях собственной жизни, рассказывал о знакомстве с замечательными людьми... Одну из таких корреспонденций, озаглавленную «Будто вчера» и датированную 1/13 октября 1856 г.,⁴ Скуридин начинает с подробных воспоминаний об участии в блокаде Дрездена в 1813 г. Этот рассказ дает ему повод привести некогда услышанные анекдоты о Суворове:

Граф Толстой⁵ был страстный почитатель Суворова. Да и кому из русских не драгоценна память об этом великане? Я слышал о нем от

² Станкевич А. В. Сочинения Пушкина, седьмой, дополнительный том. Издание П. В. Анненкова. С.-Петербург 1857 г. // Атеней. 1858. Ч. 1. С. 83.

³ Стоящая в начале первого из них цифра «I.» (Скуридин М. Из-за моря // Северная пчела. 1857. № 150. 11 июля. С. 705) позволяет предположить, что присылка этих корреспонденций была предварительно согласована с издателями газеты. На две заметки Скуридина (Вновь // Там же. 1858. № 126. 11 июня. С. 557–559; Достопамятные дни // Там же. 1858. № 140. 27 июня. С. 613–165) уже обращал внимание А. А. Ильин-Томич (Примечание редактора <к записке В. А. Жуковского к М. С. Скуридину> // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 2. С. 76).

⁴ Северная пчела. 1857. № 281. 21 дек. С. 1329–1331. Судя по содержанию заметки, указанная в ее начале дата написания («1856») ошибочна и следует читать: «1857».

⁵ Командующий сводным корпусом под Дрезденом генерал-лейтенант А. П. Толстой (1761–1844), отец обер-прокурора Святейшего

служивших под его начальством, а в том числе от зятя моего, Демидова,⁶ отбившего Италианскую войну, некоторые особенности, нигде не встречающиеся в печати. Так, по словам зятя, Суворов из палатки ли или из дома никогда не выходил просто, а всегда выбегал, подняв руки и махая ими, как крыльями. Иные приписывали это его обычным причудам, другие же истолковывали так: засидевшись за делами, он, наконец, чувствовал тоску от ран и прогонял ее усиленным движением. На Кинбурнской косе ему турок чуть не скосил головы, и эта рана, саблею по шее, его наиболее беспокоила. Екатерина Великая, чтобы достойно вознаградить Суворова за Кинбурнскую победу, приказала узнать, чего он желает. Чудодей отвечал: «Шляпа у него износилась, так не будет ли милости пожаловать новую?» Императрица прислала ему каску с лавровым из изумрудов вокруг ее венком и с бриллиантовою буквою К. Тогда пред начальниками снимали шляпы. Вот пред Потемкиным все без изъятия с открытыми головами, а Суворов стоит в своей шапочке: царского жалования снять не смеет. Вызванный, при императоре Павле Петровиче, к предводительству австрийскими войсками и встреченный на границе с воинским почетом, Суворов снял с ординарца, представленного ему от Шатлерова полка, каску, надел ее на себя и не снимал до прихода в Швейцарию. Прибыв к первым австрийским войскам, из числа поступивших под его начальство, он пожелал сделать смотр им. Австрийский военачальник, несмотря на то, что впереди были другие, свои же войска, а неприятель за сотню верст от них, выставил передовую цепь и оберегал себя, как будто враги у него на носу. По окончании смотра он почтительно спросил нашего полководца, находит ли он, что все необходимые предосторожности приняты. «Одну только вы забыли», — отвечал граф. «Какую, ваше сиятельство, позвольте узнать — тотчас исправлю». — «Да еще не прицелились». Впоследствии, при торжественном вступлении в покоренный Милан, этому осторожному генералу было велено ехать вслед за фельдмаршалом, въезжающим верхом, в его карете, и для предосторожности было прибавлено в расписании — держаться обеими руками за тесьмы.

Однажды приехал навестить Суворова сильный при дворе вельможа. Выбежав к нему навстречу, Суворов с низкими поклонами остановил его на середине первой комнаты и закричал своему Трошке: «Поддай стул!» Принесли. — «Еще стул!» И еще подали и, по знаку Суворова, поставили на первый. — «Еще стул!» Принес Трошка и третий и взгромоздил на два первые. Суворов, обратясь к временщику, сказал ему: «Ну, дорогой гость, садись, а уж коли свалишься, меня не вини». Подобные щелчки никому,

Правительствующего Синода П. А. Толстого (1801–1873), с которым Скуридин был близко знаком в поздние годы своей жизни.

⁶ Имеется в виду представитель знаменитой династии — нижегородский помещик штаб-ротмистр гвардии Александр Акакиевич Демидов (1776–1834), муж Елизаветы Сергеевны Скуридиной, сестры мемуариста (за эти и некоторые другие сведения, предоставленные мне в ходе работы над данной публикацией, выражаю признательность А. М. Аширметовой).

разумеется, не были по нутру. В особенности главнначальствующие над действующими войсками тяготились присутствием при них Суворова, имевшего такое явное превосходство над всеми. Он им был как бельмо на глазу. Потемкин успел однажды убедить императрицу отозвать Суворова в Петербург. Потребовали его туда под предлогом важного дела, на совещание. Когда он явился, государыня объявила ему, что, убедившись на опыте в последнюю войну со шведами, в какой опасности находилась столица по недостаточности укреплений на финляндской границе, она намерена ему поручить это устроить. Откланявшись, Суворов тотчас послал за почтовой тройкой и, на перекладных прилетев в Выборг, послал оттол доносение: «Матушка! Я здесь. Что прикажете?» Для производства инженерных работ отрядили к нему полковника Штейнгеля⁷. Объехав с ним вместе границу и указав места, где должно возвести укрепления, Суворов приказал составить им чертежи. Взглянув на первый, представленный ему полковником Штейнгелем, отдал ему назад, проговорив только: «Не годится!» На почтительную просьбу указать ошибки Суворов, взяв карандаш, сказал: «Ну, я буду бить, а ты защищайся. Вот я пошел, иду, — и, остановив карандаш на одной точке, повторил: Защищайся же!» Тут только Штейнгель усмотрел слабое место предполагаемой крепости, где нападающий находился бы вне выстрелов. До конца жизни своей носил он этот чертеж при себе и всегда, рассказывая этот случай, вынимал и показывал в доказательство меткости взгляда великого полководца.

Но Суворов был не только победоносный полководец, а вместе и необыкновенно прозорливый государственный муж. Известно, как убедился в том Потемкин, подслушавший беседу Суворова с Екатериною о важнейших государственных предметах; равномерно как Ростопчин, нелестный почитатель благоволившего к нему Суворова, не мог скрыть своей досады, когда тот, прервав свой ясный и дальновидный обзор положения дел в Европе, вдруг вскочил и запел петухом. (На упрек Ростопчина Суворов отвечал: «Поживи с мое, запоешь и курицей».)⁸

От рассказов о Суворове Скуридин переходит к «пушкинскому» фрагменту своих воспоминаний:

Мне иногда приходит на мысль: что, если б Пушкин не угас так рано и, окончив предпринятое им повествование о величайшем русском царе,⁹ обогатил нашу словесность таким же о величайшем русском пол-

⁷ Речь идет о будущем генерал-губернаторе Финляндии Ф. Ф. Штейнгеле (1762–1831). В 1792 г. в чине подполковника он находился при Суворове для организации полевых укреплений на границе со Швецией.

⁸ Скуридин М. Будто вчера. С. 1330–1331.

⁹ О работе Пушкина над историей Петра и о состоянии этого труда Скуридин мог узнать из вышедших в 1855 г. анненковских «Материалов для биографии А. С. Пушкина» (Анн. Т. 1. С. 402–412). Содержавший «Материалы для первой главы истории Петра Великого» седьмой, дополнительный том «Сочинений

ководце? Я помню, с каким вниманием выслушивал рассказы о нем наш бессмертный певец.¹⁰ Лет сорок тому, именно: в 1818 и 1819 годах, в течение многих месяцев сряду, ежедневно почти сходилась с ним в одном гостеприимном доме. Я жил тогда у Николая Морского,¹¹ а на Театральной площади, в доме бывшем Паульсона, собиралась молодежь, волочившаяся за воспитанницами Театрального училища. Их дважды в день провозили мимо этого дома. В числе ухаживавших за красотками был и Пушкин, тогда только что освободившийся от тяжелой болезни, от которой у него вылезли волосы на голове, и он ходил тогда в парике. Как теперь смотрю на него и припоминаю начало его, кажется, не напечатанного послания к одному из приятелей:

Я ускользнул от Эскулапа,
Худой, обритый, но живой.
Его томительная лапа
Не тяготеет уж над мной.

Вероятно, не одно еще стихотворение Пушкина, не попавшее в собрание его сочинений, отыщется у почитателей даровитого певца и у лицейских его соучеников.¹²

В рассказе Скуридина обращает на себя внимание, прежде всего, место его встречи с Пушкиным. Как установил на основании «Руководства к отысканию жилищ...» С. Аллера (СПб., 1824) В. Ф. Шубин,¹³ в упомянутом мемуаристом доме статского советника Паульсона на углу Театральной площади и Екатерининского

Пушкина» (СПб., 1857; ценз. разр. 5 июля 1857 г.) к моменту написания воспоминаний еще не мог попасть в руки их автора («На днях вышел в свет седьмой, дополнительный том «Сочинений» Пушкина (издание П. В. Анненкова. СПб., 1857) — Северная пчела. 1857. № 276. 16 дек. С. 1303).

¹⁰ Возможно, имеются в виду приведенные выше истории. Однако в сочинениях Пушкина эти рассказы никак не отразились.

¹¹ То есть у Никольского Морского собора в Петербурге.

¹² Скуридин М. Будто вчера. С. 1331. Мемуарист с неточностями приводит начало широко разошедшегося в списках стихотворения «К Энгельгардту» («Я ускользнул от Эскулапа...»), которое к этому времени было уже неоднократно опубликовано в своей второй (сокращенной) редакции (первые 23 стиха, далее две строки точек). Впервые: Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826. С. 160–161 (отдел «Послания», под названием: «N. N.», в оглавлении дата: 1819). Вошло без изменений в «Стихотворения Александра Пушкина» (СПб., 1829. Ч. 1. С. 75–76 (отдел стихотворений 1819 г.) и в издание Анненкова (Анн. Т. 2. С. 255–256; отдел стихотворений 1819 г.). «Выпущенный конец послания “К Энгельгардту”, раскрывающий имя адресата, появился в печати уже после написания скуридинской заметки (Анн. Т. 7. С. 55–56).

¹³ Шубин Вл. Приют гостеприимный // Ленинградская правда. 1984. 12 авг.

канала (ныне канал Грибоедова) (2-я Адмиралтейская часть, № 213; по современной нумерации дом № 8 по Театральной площади) в конце 1810-х — начале 1820-х гг. жил близкий приятель поэта Н. В. Всеволожский, на квартире которого проходили как заседания кружка «Зеленая лампа», так и скандальные «оргиастические» вечера. Имя Скуридина никогда не упоминалось среди участников ни тех ни других собраний, хотя его прежние сослуживцы — А. В. Всеволожский, П. Б. Мансуров, Ф. Ф. Юрьев — были к ним непосредственно причастны.¹⁴ Может быть, сознательно, возможно, по неведению не упоминает об этих собраниях и сам мемуарист, видимо принадлежавший к некоей «периферии» посетителей «гостеприимного дома».¹⁵ В его рассказе завсегда «приюта любви и вольных муз», «рыцари лихие любви, свободы и вина» предстают просто молодыми волокитами, объединенными «ухаживанием за красотками». Содержание скуридинского рассказа мало что добавляет к уже известным фактам биографии поэта.¹⁶ Несмотря на утверждение мемуариста о том, что он регулярно и в течение долгого времени посещал дом Всеволожского,¹⁷ мера его вовлеченности в происходившие здесь события выглядит минимальной: кроме изображения оправившегося от болезни Пушкина, в них отсутствуют какие-либо реалии. Ценность этих воспоминаний связана, главным образом, с тем, что они вводят новое имя в список петербургских знакомых молодого Пушкина.

Михаил Сергеевич Скуридин (1795? — 1872, Париж)¹⁸ происходил из дворян Нижегородской губернии. В 1780-х гг. его отец,

¹⁴ О дружеских отношениях А. Всеволожского, Мансурова и Юрьева см.: Садиков П. А. Послание Ф. Ф. Юрьеву 1820 г. // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. [Т.] 2. С. 269–270.

¹⁵ «Он <Пушкин> был в это время по плечу каждому — вот почему до сих пор можно еще встретить людей, которые сами себя называют друзьями Пушкина, отыскивая права свои на это звание в общих забавах и рассеяностях эпохи», — писал П. В. Анненков о первых послелицейских годах поэта (Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 44).

¹⁶ Ср., например, письмо Пушкина к П. Б. Мансурову от 27 октября 1819 г., а также: Каратыгин П. А. Записки. Л., 1970. С. 63.

¹⁷ Возможно, в этом утверждении есть преувеличение, но сам факт посещения не может вызывать сомнений, по крайней мере, по двум причинам: в момент публикации воспоминаний были живы многие свидетели тех событий, способные уличить автора во лжи; Скуридин — единственный, кто непосредственно указывает точный адрес Никиты Всеволожского.

¹⁸ В отношении даты рождения Скуридина имеются расхождения между его собственными показаниями и сведениями, содержащимися в «Русском некрополе в чужих краях». По словам мемуариста, 5 октября 1813 г. ему

Сергей Николаевич Скуридин (Скурыдин), служил секретарем в первом департаменте Верхней расправы Нижегородского наместничества,¹⁹ а в начале XIX в., уже в чине коллежского асессора, — заседателем Нижегородской губернской гражданской, затем уголовной палаты.²⁰ Чиновниками были и старшие братья Михаила Сергеевича. Александр Сергеевич Скуридин в звании коллежского асессора вначале служил в Департаменте горных и соляных дел в Петербурге, затем вернулся в Нижний Новгород, где стал советником Нижегородской казенной палаты.²¹ Деятельность Николая Сергеевича (ок. 1781—1870) в основном проходила в Министерстве финансов, где он достиг чина действительного статского советника и высокой должности члена правления Государственного заемного банка.²²

Михаил Сергеевич получил образование в Московском университетском благородном пансионе.²³ Осенью 1812 г. вступил в Нижегородское ополчение, где его сослуживцами по Конному полку стали будущие участники кружка «Зеленая лампа» А. В. Всеволожский, П. Б. Мансуров и Ф. Ф. Юрьев.²⁴ Участие в боевых действиях ополчение впервые приняло лишь в Саксонии, в ходе заграничного

было «невступно осмнадцать лет» (Скуридин М. Будто вчера. С. 1329), т. е. он родился в конце 1795 г. Согласно «Русскому некрополю», отставной майор Михаил Сергеевич Скуридин скончался 25 января (н. с.) 1872 г. в возрасте 77 лет, т. е. родился в 1794 или самом начале 1795 г. ([Андерсон В.] Русский некрополь в чужих краях. Пг., 1915. Вып. 1: Париж и его окрестности. С. 81).

¹⁹ Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1780. [СПб.], [б. г.]. С. 378.

²⁰ См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1805. СПб., [б. г.]. Ч. 2. С. 179; Месяцеслов... 1808. СПб., [б. г.]. Ч. 2. С. 266.

²¹ Месяцеслов... 1815. СПб., [б. г.]. Ч. 1. С. 556; Месяцеслов... 1823. СПб., [б. г.]. Ч. 2. С. 234.

²² Нистрем К. Адрес-календарь санктпетербургских жителей. СПб., 1844. Т. 2. С. 419. См. также: Н. В. Гоголь: Материалы и исследования / Под ред. В. В. Гиппиуса; Отв. ред. Ю. Г. Оксман. М.; Л., 1936. [Т.] 1. С. 148 (примеч. В. В. Гиппиуса к письму М. С. Скуридина к Н. В. Гоголю от 13 сентября 1851 г.).

²³ См.: Скуридин М. Будто вчера. С. 1330 (сноска).

²⁴ См.: [Апухтин В. Р.] Нижегородское дворянское ополчение 1812—1814 гг.: Краткий очерк и материалы о формировании Нижегородской военной силы и о действиях полков Нижегородского ополчения в 1813 г. за границей. [Б. м.], 1912. С. XIII—XIV, 52.

похода русских войск.²⁵ После того как в октябре 1814 г. оно было расформировано, Скуридин служил в Литовском уланском полку (вновь вместе с Ф. Ф. Юрьевым), приказом от 13 февраля 1817 г. был произведен из подпоручиков в поручики.²⁶ 19 августа 1818 г. бригадный адъютант 2-й бригады 1-й уланской дивизии Скуридин переведен из Литовского в Оренбургский уланский полк, с оставлением в прежней должности.²⁷ 20 сентября 1819 г. адъютант 2-й бригады 1-й уланской дивизии, Оренбургского уланского полка поручик Скуридин был назначен старшим адъютантом в Отдельный Гвардейский корпус,²⁸ приказом от 12 апреля 1820 г. произведен в штабс-ротмистры с оставлением при прежней должности,²⁹ а 24 сентября уволен по домашним обстоятельствам.³⁰ 18 декабря 1830 г. отставной штабс-ротмистр Оренбургского уланского полка Скуридин был принят в Лубенский гусарский полк и назначен адъютантом начальника 1-й Гусарской дивизии генерал-лейтенанта князя П. П. Лопухина,³¹ принимал участие в польской кампании 1831 г.³² 18 октября 1835 г.

²⁵ Корнеты конного Нижегородского полка Всеволожский, Мансуров и Скуридин «октября 5, 6, 10 и 16, находясь всегда в охотниках, неустрашимостью своею весьма много содействовали к отражению неприятеля» (Список генералам, штаб и обер-офицерам, отличившимся в сражениях, бывших при Дрездене. Октября 4, 5, 10, 12, 15, 16, 17 и 25 числа прошлого 1813 года // Там же. С. 56). За отличие в сражениях 5–16 октября Скуридин был представлен к следующему чину.

²⁶ Высочайшие приказы <о чинах военных>. [СПб.]: Типография Главного Штаба Е. И. В., [1818]. С. 92.

²⁷ Высочайшие приказы... [1819]. С. 471. В приказе его фамилия дана с ошибкой (Скуригин). В то же время Ф. Ф. Юрьев был переведен в Ямбургский уланский полк, входивший в состав той же, что и Оренбургский, 2-й бригады 1-й уланской дивизии.

²⁸ Высочайшие приказы... [1820]. С. 525. Ф. Ф. Юрьев в тот же день был переведен из Ямбургского уланского в лейб-гвардии уланский полк с назначением старшим адъютантом легкой гвардейской кавалерийской дивизии.

²⁹ Высочайшие приказы... [1821]. С. 231.

³⁰ Там же. С. 536.

³¹ Высочайшие приказы... [1831]. С. 397. См. также: [Бурский И. Д.] История 8-го Гусарского Лубенского полка. Одесса, 1912. С. 658. При П. П. Лопухине, командовавшем в ту пору 2-й бригадой 1-й уланской дивизии, Скуридин состоял и в предшествующий период своей службы.

³² [Бурский И. Д.] История 8-го Гусарского Лубенского полка. С. 146. С 1837 по 1840 г. в Лубенском гусарском полку служил и племянник Скуридина поэт-дилетант М. А. Демидов (см.: Там же. С. 212–214, 642). Согласно малодостоверному семейному преданию, он был некогда знаком с Пушкиным (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988.

«бывший старший адъютант Главного штаба упраздненной 1-й армии» ротмистр Скуридин был переведен в Лейб-кирасирский его высочества наследника полк,³³ а 28 ноября того же года «за болезнию» в чине майора и с мундиром окончательно оставил армию.³⁴

Интересы Скуридина далеко не ограничивались военной службой. Его имя встречается среди подписчиков литературных и научных изданий.³⁵ Он был автором статей исторического³⁶ и лингвистического содержания.³⁷

Приведенные факты биографии Скуридина заставляют вернуться к вопросу о времени его возможных встреч с Пушкиным. Согласно воспоминаниям, они пришлось на 1818–1819 гг., были почти ежедневными и продолжались в течение нескольких месяцев. Однако указанные хронологические рамки вызывают сомнение в точности этих сведений: до 20 сентября 1819 г. мемуарист служил за пределами

С. 136). Знакомство Скуридина с поэтом объясняет происхождение этой легенды.

³³ Высочайшие приказы... [1835]. С. 749.

³⁴ Там же. С. 856.

³⁵ См., например: *Булнина А.* Собрание стихотворений. СПб., 1821. Ч. 2; *Успенский Г.* Опыт повествования о древностях русских. 2-е изд., испр. и умнож. Харьков, 1818. Ч. 1. С. 809; Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 4. С. 37.

³⁶ *Скуридин М.* О Словенах и Руси // *Телескоп*. 1834. Т. 21. С. 483–498.

³⁷ *Скуридин М.* Письмо к редактору <О надписи на колоколе Звенигородского Савво-Сторожевского монастыря> // *Русский инвалид*. 1833. № 155. С. 615–616. «...Сообщаю вам, — писал 26 января 1822 г. А. Х. Востокову художник-археолог и палеограф А. И. Ермолаев, — что надпись на колоколе в монастыре Саввы Сторожевского ныне разобрана, во-первых, отставным штаб-ротмистром Михайлом Сергеевым Суридиным <sic!>, который разобрал 2-ю, 3-ю, 4-ю и 5-ю строки; во-вторых, князем Павлом Петровичем Лопухиным, разобравшим 6-ю строку; и, наконец, мною разобрана 1-я строка» (Переписка А. Х. Востокова // *Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук*. СПб., 1873. Т. 5, вып. 2. С. 25). Чуть позже об истории расшифровки этой надписи рассказывал и журнал «Северный архив»: «Надпись с колокола снята лет сорок тому назад покойным библиотекарем Академии наук Бакмейстером, но оставалась без внимания до 1822 года. В сие время некоторые любители древностей занялись изъяснением оной, и счастливый успех увенчал сие предприятие. <...> ...первое начало в открытии сделал князь П. П. Л., штаб-ротмистр Михайло Сергеевич Скуридин открыл большую часть, а А. И. Ермолаев объяснил начальные строки» ([*Булгарин Ф. В.*] О криптографической надписи на колоколе, находящемся в Савине Сторожевском Звенигородском монастыре // *Северный архив*. 1823. Ч. 5. С. 107; к заметке приложено воспроизведение надписи; авторство заметки устанавливается по ее содержанию).

Петербурга (Литовский уланский полк был расквартирован в Бежецке Тверской губернии,³⁸ позднее Скуридин находился при штабе 2-й бригады 1-й уланской дивизии в Твери³⁹). Кроме того, в этом случае остаются непонятны причины, по которым в 1819 г. это знакомство прекратилось.

Думается, автор воспоминаний допустил неточность и в действительности речь должна идти о 1819—1820 гг. В этом случае интенсивное общение мемуариста с Пушкиным «в течение многих месяцев сряду» могло начаться после перевода в Отдельный Гвардейский корпус 20 сентября 1819 г. и закончиться с отъездом поэта из Петербурга в мае 1820 г. Посещения же Скуридиным «гостеприимного дома» Никиты Всеволожского, куда его, вероятно, ввели прежние сослуживцы, должны были закончиться после его отставки 24 сентября 1820 г. Разумеется, при этом допущении возникает вопрос, каким образом могла произойти описанная Скуридиным встреча с Пушкиным после его выздоровления, то есть в конце июня — начале июля 1819 г. (единственное событие рассказа, поддающееся точной датировке)? Вероятно, это случилось во время какого-то краткосрочного приезда мемуариста в столицу. Так, судя по содержанию послания «Юрьеву» («Здорово, Юрьев именинник...»), с его адресатом, в 1818—1819 гг. также служившим в Тверской губернии,⁴⁰ Пушкин познакомился и сблизился еще до его перевода в лейб-гвардии уланский полк, расквартированный в Петербурге.

Значительная часть второй половины жизни Скуридина прошла за границей, где он познакомился и сблизился с В. А. Жуковским и Н. В. Гоголем. Именно эти связи Скуридина и привлекли внимание к его фигуре,⁴¹ которая, однако, в большой степени все еще

³⁸ *Постников И. Н.* Граф А. А. Аракчеев по сохранившимся в Бежецке воспоминаниям. Тверь, 1913. С. 21.

³⁹ См.: Имена подписавшихся на получение сей книги // Успенский Г. Опыт повествования о древностях русских. 2-е изд., испр. и умнож. Харьков, 1818. Ч. 1. С. 809.

⁴⁰ См.: *Крестовский <В. В.>* История 14-го уланского... Ямбургского полка. СПб., 1873. С. 667 («Расписание стоянок и перечень переходов Ямбургского полка с 1806 по 1871 год»).

⁴¹ Письмо Жуковского к Скуридину от 12 февраля / 31 января 1847 г. см.: *Жуковский В. А.* Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878. Т. 6. С. 628—629. Письма Скуридина к Гоголю опубликованы: *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1897. Т. 4. С. 833 (письмо от 25 июля 1850 г.); Н. В. Гоголь: Материалы и исследование. [Т.] 1. С. 133—138 (письмо от 13 сентября 1851 г., с примеч. В. В. Гиппиуса); отрывки из письма от 6 февраля 1851 г. приведены в комментарии А. Н. Михайловой: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. [М.; Л.], 1952. Т. 14. С. 431. См. также: [*Ильин-Томич А. А.*] Примечание редактора. С. 75—77.

остаётся загадочной. «Личность Михаила Сергеевича Скуридина, к сожалению, пока не удастся выяснить в подробностях», — отмечал когда-то В. В. Гиппиус.⁴² «Биография его неизвестна», — констатировал спустя десятилетия А. А. Ильин-Томич.⁴³ Предпринятые разыскания отчасти восполняют этот пробел.

2. Пушкин и «Грамматика» Греча

16 декабря 1857 г. в разделе «Пчелка. Газетные заметки» «Северной пчелы» был помещен анонимный отзыв о недавно вышедшем седьмом, дополнительном томе анненковского издания «Сочинений А. С. Пушкина».⁴⁴ Впрочем, по содержанию статьи ее автор — Н. И. Греч — угадывался без труда. Отзыв начинался с описания и общей оценки книги:

Этот том содержанием своим довольно разнообразен, но достоинством помещенных в нем стихотворений и прозаических статей далеко уступает предыдущим. И не мудрено: в нем оборки и крохи, но и в этих попадаются золото и бриллианты. <...> Издатель Сочинений Пушкина, по предложенному им плану, собрал все, что было напечатано и что можно было отыскать в рукописях. Он хотел дать публике и литературе все стихи и материалы для оценки поэта во всех отношениях. Станем ли упрекать его в том, что он поместил и много такого, чего бы сам Пушкин не решился издать в свет или вновь напечатать? Пусть это издание останется полным собранием всего, что только написал Пушкин; пусть оно будет служить к составлению о поэте полного и беспристрастного мнения в потомстве. Но следующие издания, по нашему мнению, должны ограничиться тем, что достойно ума и гения Пушкина как поэта. Все мелкое, слабо человеческое, все, что вылилось из очаровательного пера его в минуты гнева, досады, раздраженного самолюбия, — должно оставаться в архиве, не для читателей, ищущих услаждения уму, сердцу и воображению, а для пылivelyго любопытства будущих историков. Писать истинную, беспристрастную историю жизни Пушкина как поэта и как человека еще рано и невозможно. Сбережем наши воспоминания для грядущего историка.⁴⁵

Оставшиеся незамеченными воспоминания Скуридина о Гоголе и Жуковском, а также часть его переписки с обоими писателями подготовлены мною к печати.

⁴² Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. [Т.] 1. С. 148.

⁴³ [Ильин-Томич А. А.] Примечание редактора. С. 76.

⁴⁴ Северная пчела. 1857. № 276. 16 дек. С. 1303–1304. Отзыв зафиксирован в справочнике: Межов В. И. *Ruschkiniana*. СПб., 1886. С. 12 (№ 142: «Анекдот о Пушкине и исчисление милостей, оказанных семейству его императором Николаем»).

⁴⁵ Северная пчела. 1857. № 276. 16 дек. С. 1303.

Поводом для подобных воспоминаний стала в данном случае предпринятая автором критика редакционной подготовки книги:

П. В. Анненков, кончив издание Сочинений Пушкина, исполнил принятую им на себя обязанность усердно и добросовестно и заслужил тем благодарность всей отечественной публики. Жаль только, что он не всегда имел хороших корректоров: в этом седьмом томе попадаются не опечатки, а грамматические промахи, которых, конечно, не было в подлинниках. Пушкин писал по вдохновению, но глубоко уважал и прилежно изучал русский язык, не считая в нем ничего безделицею, любил доискиваться грамматических правил и решать затруднения. Вскоре по выходе в свет «Грамматики» Греча (в начале 1828 года) встретился он с автором на обеде у шведского посланника барона Пальмштерны.⁴⁶ Барон хорошо знал и любил русский язык. Среди обеда завязался между поэтом и указчиком разговор о какой-то грамматической тонкости. Они заспорили, разгорячились, забыли, что сидят в светском обществе, где приличнее говорить о погоде, о вчерашнем висте и о нынешнем соусе à la Talleyrand. Гости умолкли и слушали ратоборцев российского слова с вниманием, хотя большая часть не понимала, отчего они так беснуются. Наконец оба поединщика заметили общее изумление, и один из них извинился пред хозяином в нарушении таким неуместным увлечением обычной благопристойности дипломатической трапезы. «Продолжайте, сделайте милость, продолжайте! — сказал им барон с искренним уважением. — Я давно не слышал у себя за столом такой интересной беседы».⁴⁷

Завершают отзыв — «в дополнение к воспоминаниям о Пушкине» — «любопытные сведения о милостях, какими щедрый и великодушный (да, великодушный!) император Николай Павлович осыпал семейство поэта после его смерти».⁴⁸

Можно заметить, что собственно мемуарная часть рецензии представляет собой расширенный вариант рассказа, содержащегося в более ранней статье Греча «Нынешняя орфография (Д. М. Княжевичу)»: «Из всех наших писателей пальму грамматического совершенства заслужил Карамзин <...>. Знаете ли, кто еще из наших писателей был отличный практический грамматик, любил толковать о грамматике, старался решать затруднительные вопросы? — Пушкин. Вскоре после выхода моей Грамматики (в декабре 1827 г.) встретились мы с ним на обеде у почтенного барона Пальмштерны (шведского посланника в С.-Петербурге). Он тотчас же вступил со

⁴⁶ Имеется в виду время встречи, а не выхода книги.

⁴⁷ Северная пчела. 1857. № 276. 16 дек. С. 1303–1304.

⁴⁸ Там же. С. 1304. По признанию Греча, эти сведения были сообщены ему Н. И. Тарасенко-Отрешковым.

мной в разговор и в спор о разных частях ее и сообщил мне многие дельные и умные замечания». ⁴⁹ В свое время этот рассказ был введен в научный оборот и исчерпывающим образом прокомментирован М. П. Алексеевым. ⁵⁰ «Это воспоминание, — писал Алексеев в связи со своей находкой, — представляет для нас двоякий интерес. С одной стороны, оно удостоверяет лишний раз хорошо известный интерес Пушкина к лингвистическим вопросам, в частности к различным разделам русской грамматики. С другой стороны, цитированные строки не только называют шведского дипломата, у которого на обеде состоялся запомнившийся Гречу разговор с Пушкиным, но и дают новую дату в летописи жизни русского поэта — декабрь 1827 г. Самое знакомство Пушкина с указанным шведским дипломатом и ранее предполагалось исследователями, но теперь подтверждается документальным свидетельством». ⁵¹

Помимо большей пространности и живости позднейшая версия воспоминаний включает в себе и ряд других отличий от публикации 1840 г. В ней обнаруживается интерес к беседе Пушкина и Греча самого хозяина дома — прекрасного знатока русского языка Нильса Фредрика Пальмшерны (1788—1863), ⁵² ярче подчеркнут полемический характер этого диалога, иначе выглядит и его

⁴⁹ Северная пчела. 1840. № 34. 12 февр. С. 135—136.

⁵⁰ Алексеев М. П. Заметки на полях. <...> 3. Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Л., 1977. С. 109—113. Заметка Алексеева учтена в изданиях: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. С. 118—119 (статья «Греч Н. И.»), с. 320 (статья «Пальмшерн Н. Ф.»); Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 2: (1825—1828). С. 334.

⁵¹ Алексеев М. П. Заметки на полях. <...> 3. Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча. С. 109.

⁵² Ср.: «Пальмстиерна составляет в нашем дипломатическом корпусе чрезвычайно редкое изъятие. Занимая уже очень давно свой пост, он выучился в совершенстве русскому языку и не только говорит, но и пишет на нем свободно. Привязанность его к русскому языку простирается так далеко, что он принадлежит даже к числу самых ревностных посетителей чтений Греча» (*Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 676 (запись от 25 декабря 1839 г.)); «Шведский посланник Пальменштерн многие годы занимал в Петербурге место свое. Он был умный и образованный человек. В сравнении с другими сослуживцами его, аккредитованными при русском дворе, можно сказать, что он довольно обрусел. Он очень порядочно выучился нашему языку, ознакомился с литературою нашею и со вниманием следил за движением ее. За такую внимательность литература наша, не избалованная (особенно в то время) ухаживанием иностранцев за нею, должна помянуть его добром и признательностию. На его дипломатические обеды бывал даже приглашаем Греч, что совершенно вне посланнических обыкновений и дипломатических преданий» (*Вяземский П. А.* Старая записная книжка //

содержание.⁵³ Какое же из двух описаний знаменательной дискуссии заслуживает большего доверия?

В обоих вариантах воспоминаний непосредственным поводом для «лингвистического» диалога мемуариста с поэтом оказывается выход в свет «Грамматики» Греча. Между тем в конце (не ранее начала ноября) 1827 г.⁵⁴ были опубликованы сразу две близкие по содержанию и названию книги этого автора — «Пространная русская грамматика» (СПб., 1827. Т. 1. XVI, 386 с. (второй том так и не был издан)) и «Практическая русская грамматика» (СПб., 1827. VIII, 578 с.). Об их соотношении сам Греч высказался следующим образом: «Сия грамматика названа *практическою* потому, что заключает в себе одни правила употребления языка и необходимые для пояснения оных примеры: подробную же теорию, равно как замечания исторические и сравнительные, можно найти в изданной мною “Пространной русской грамматике”». ⁵⁵ «Две ныне изданные Грамматики составляют полный, подробный, ясный, удобопонятный курс языка русского, которым может пользоваться и юноша, и созрелый чиновник», — писал ближайший литературный соратник Греча Ф. В. Булгарин. «Пространная русская грамматика» «есть философическое и историческое изложение правил языка русского в грамматическом и логическом отношении. Это полный курс, пространное изъяснение всего того, что находится в Грамматике Практической». ⁵⁶ «Практическая русская грамматика», заключает в себе все собственные правила употребления языка, помещенные в “Пространной грамматике”, за исключением прибавлений исторических и сравнительных». ⁵⁷

Однако эти одновременно появившиеся издания отличались друг от друга не только по своей направленности, но и по составу.

Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8. С. 214). Последнее суждение приведено и в заметке М. П. Алексеева (с. 110).

⁵³ Ср.: «Он <Пушкин> тотчас же вступил со мной в разговор и в спор о разных частях ее («Грамматики» Греча. — А. К.) и сообщил мне многие дельные и умные замечания» в раннем варианте и «Среди обеда завязался между поэтом и указчиком разговор о какой-то грамматической тонкости. Они заспорили, разгорячились...» в позднейшем изложении. Курсив мой.

⁵⁴ См.: Алексеев М. П. Заметки на полях. <...> 3. Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча. С. 112.

⁵⁵ Греч Н. Практическая русская грамматика. СПб., 1827 (страницы вступления не нумерованы).

⁵⁶ Северная пчела. 1827. № 138. 17 ноября.

⁵⁷ Булгарин Ф. Предисловие // Греч Н. Пространная русская грамматика. СПб., 1827. Т. 1. С. VIII–IX.

Представляя собой упрощенный вариант «Пространной русской грамматики», «Практическая русская грамматика», наряду с одинаковыми для обеих книг разделами («Этимология общая, или Произведение слов вообще» и «Этимология частная», то есть учение о частях речи: «Глава первая: Об имени существительном», «Глава вторая: Об имени прилагательном» и т. д.), заключала в себе и дополнительные, развернутое изложение которых должно было составить несостоявшийся второй том грамматики «пространной» («Часть третья: Синтаксис, или Словосочинение», «Часть четвертая: Орфоэпия, или Произношение слов», «Часть пятая: Орфография, или Правописание»).⁵⁸

Думается, говоря о выходе в свет своей «Грамматики», Греч мог иметь в виду как сразу обе книги, так и отдельно взятый фундаментальный теоретический труд. Но в любом случае маловероятно, что поэт был настолько детально знаком с содержанием и структурой работы (или работ⁵⁹) мемуариста, чтобы, как то утверждаетя в ранней версии воспоминаний, с готовностью и энтузиазмом («тотчас же вступил со мной в разговор и в спор») обсуждать «разные части» какой-либо из этих довольно объемных книг и подробно их отрецензировать («сообщил мне многие дельные и умные замечания»). Как ни странно, более достоверным в этом смысле выглядит не первоначальный, а более поздний рассказ Греча о его споре с Пушкиным на конкретную, частную («о какой-то языковой тонкости») тему.

Заслуживает внимания и расхождение в датировках описанного разговора, который в статье «Нынешняя орфография» отнесен к декабрю 1827 г., а в отзыве на издание Анненкова — уже к началу 1828-го. В данном случае это различие естественно объяснить давностью лет, уверенно предпочитая раннее указание. Но и сам парахронизм (если он имел место) представляется неслучайным. Пытаясь в своей заметке уточнить время встречи Пушкина и Греча на обеде у шведского посла в Петербурге, М. П. Алексеев обратил внимание на то, что еще 6 декабря 1827 г. состоялось многолюдное чествование Греча по случаю выхода в свет его грамматик, в котором участвовал и Пушкин. Отталкиваясь от этой даты, Алексеев высказал осторожное предположение о том, что описанный обед произошел уже после нее, оговариваясь, впрочем, что «такая догадка требует еще документального подтверждения

⁵⁸ «Второй том сей Пространной грамматики напечатан будет со временем. <...> ...главные черты оного можно найти в Грамматике Практической, изданной вполне» (Там же. С. IX).

⁵⁹ И «пространная», и «практическая» грамматика Греча в сохранившейся части библиотеки Пушкина отсутствуют.

или обоснования».⁶⁰ Не является ли таким дополнительным подтверждением ошибка памяти Греча, отодвинувшего в позднейших воспоминаниях беседу с Пушкиным на январь 1828 г.? Более того, не говорит ли она о том, что эта беседа могла произойти в самом конце 1827 г.? В этом смысле значение может иметь и еще одно не учтенное М. П. Алексеевым обстоятельство: Рождественский пост, завершающийся 25 декабря. Известно, что дипломатические обеды происходили и во время поста.⁶¹ Однако для барона Пальмшерны необходимость соблюдать пост, кажется, имела значение.⁶² Если это так, становится понятной хронологическая неточность близко знавшего его мемуариста, который спустя десятилетия отнес свою встречу с Пушкиным, возможно, произошедшую в последних числах декабря, к январю следующего года.

⁶⁰ Алексеев М. П. Заметки на полях. <...> 3. Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча. С. 113.

⁶¹ «Вчера мы дали наш второй дипломатический обед, — записала в своем дневнике 10 декабря 1829 г. жена австрийского посланника в Петербурге Д. Ф. Фикельмон. — Теперь на наших вечерах по понедельникам, четвергам и субботам всегда довольно много посетителей» (Фикельмон Д. Дневник. 1829–1837. М., 2009. С. 81).

⁶² «Так как нынче Рождество в понедельник, то сочельник, по церковному обряду, праздновался в пятницу. Зато в субботу, как бы не бывало уже поста, был большой обед у шведского посланника барона Пальмстиерна, на котором присутствовало гораздо более русских, нежели иностранцев, — в том числе и я: обед со всей дипломатическою пышностью и гастрономическою роскошью» (Корф М. А. Записки. С. 676; запись от 25 декабря 1839 г.).